

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0676-5-230-248>

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution-NonCommercial»
(«Атрибуция — Некоммерческое использование») 4.0 Всемирная

*Х.А. Кальво Мартинес,
Н.Н. Арсентьева*

*Философия уединения (тема *Beatus ille*)
в «усадебной» поэзии Европы:
Гораций, Фрай Луис де Леон, И.А. Бунин*

Аннотация: В статье рассмотрены истоки темы ухода от мира (*Beatus ille*) и уединенного созерцания природы в «усадебной» поэзии и прозе И.А. Бунина конца XIX — первой половины XX в., восходящие к Античности (Гораций и др.) и эпохе Возрождения (Луис де Леон и др.).

На рубеже XVIII–XIX вв. отход от классицизма и культ искусств в область натурфилософии неоплатонизма привел в русской литературе к возрождению эстетики, основанной на непосредственных впечатлениях от окружающего мира. Русская «усадебная культура» с этого времени способствовала сближению человека с природой, что позволило писателям передавать сложный комплекс чувств и мыслей, вызванных уединением и созерцательностью. В художественном наследии Бунина эстетическая ценность русской усадьбы во многом обусловлена соседством человеческого жилья с миром дикой некультуренной природы. Новаторской особенностью бунинского пейзажа является слияние человека с мировым природным целым в свете космологических идей Возрождения и учения о Мировой Душе. Компаративный анализ оды «Уединенная жизнь» Луиса де Леона, представителя Золотого века испанской поэзии эпохи Возрождения, и мотива уединения в творчестве Бунина раскрывают общую для них религиозно-мистическую философию природы. В своем исследовании мы затрагиваем также сближающий двух авторов мистериальный мотив «литургии света», восходящий к магической практике богообщения в герметической традиции позднего эллинизма. В заключение мы останавливаемся на бунинской трактовке отрыва художника от созерцания красоты как благодати в период разрушения русской «усадебной культуры».

Ключевые слова: «усадебная» поэзия, тема “*Beatus ille*”, Античность, натурфилософия неоплатонизма, литературный герметизм, Луис де Леон, И.А. Бунин.

Информация об авторах: Хосе Луис Кальво Мартинес — антиковед, переводчик на испанский язык греческих магических папирусов и классиков античной литературы, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой греческой филологии ун-та Гранады (1994–2002), основатель и член научно-исследовательской группы HUM404 HERMEKATE (tradición clásica), Кампус де ла Картуджа, Калле дель проф. Клавера, s/n, 18011 Гранада, Испания. E-mail: jcalvo@ugr.es. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6724-8455>;

Наталья Николаевна Арсентьева — доктор филологических наук, профессор русской литературы Орловского гос. ун-та (1997–2000), преподаватель кафедры греческой и славянской филологии ун-та Гранады, рук. научно-исследовательской группы HUM404 HERMEKATE (tradición clásica), Кампус де ла Картуджа, Калле дель проф. Клавера, s/n, 18011 Гранада, Испания. E-mail: arsnat@ugr.es. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5616-1589>

*Jose Luis Calvo Martinez,
Natalia N. Arsentieva*

*The philosophy of solitude (Beatus ille theme)
in the “estate” poetry of Europe:
Horace, Fray Luis de León, I.A. Bunin*

Abstract: The article examines the themes of withdrawal from the world (*Beatus ille*) and the solitary contemplation of nature in the “estate” poetry and prose of I.A. Bunin, a Russian writer of the late 19th to the mid-20th century and traces the sources of his inspiration to the thought of philosophers and writers of classic antiquity (Horace, *etc.*) and to the Renaissance (Luis de León, *etc.*).

The transition from Neoclassicism and the cult of the arts to the Neoplatonic philosophy of nature in Russian Literature, which took place from the end of the 18th century through the early 19th century, led to the rebirth of an aesthetics based on immediate impressions of reality. The “estate culture” from that period, with its linking of culture and nature, allowed Russian authors to convey complex thoughts and feelings rising from their cultivation of solitude and the contemplation of nature.

In Bunin’s legacy, the aesthetic value of the Russian estate is largely due to its proximity to the world of wild uncultured nature. An innovative feature of the Bunin poetic landscape is the fusion of man with the holy universe in light of the cosmological ideas of the Renaissance and the doctrine of the World Soul. A comparative analysis of the ode “The Life Removed” by Luis de Leon, a representative of the Golden Age of Spanish Renaissance poetry, and the motif of solitude in Bunin’s creative work reveal a common metaphysics. Moreover, our research also focuses on the mystery motif of the “liturgy of light” in both authors, which can be traced to the magical practice of communion with God in the hermetic tradition of late Hellenism. Finally, we analyze Bunin’s interpretation of the artist’s separation from the contemplation of beauty as grace during the destruction of the Russian “estate culture”.

Keywords: “estate” poetry, “*Beatus ille theme*”, Antiquity, Neoplatonic natural philosophy, literary hermeticism, Luis de León, Ivan Bunin.

Information about the authors: Jose Luis Calvo Martinez — Scholar of Classical Antiquity, Translator of Ancient Greek literature and Greek Magical Papyri, PhD in Greek Philology, Professor, Head of the Department of Greek Philology at the University of Granada (1994–2002), Founder and member of the research group HUM404 HERMEKATE (The Classical Tradition), Campus de la Cartuja, Calle del Prof. Clavera, s/n, 18011 Granada, Spain. E-mail: jcalvo@ugr.es. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6724-8455>;

Natalia N. Arsentieva — PhD in Philology, Professor of Russian Literature at Oryol State University (1997–2000), now lecturer at the Department of Greek and Slavic Philology at the University of Granada, Head of the research group HUM404 HERMEKATE (The Classical Tradition), Campus de la Cartuja, Calle del Prof. Clavera, s/n, 18011 Granada, Spain. E-mail: arsnat@ugr.es. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5616-1589>

Поэзия русской усадьбы

Тема уединения в русской усадебной поэзии стала традиционной начиная с Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина как возврат к непринужденному общению человека и природы после увлечения искусством классицизма. Кризис последнего на рубеже XVIII–XIX вв. знаменовал отход от грандиозной художественной системы, в соответствии с которой «искусство создавало особую идеальную среду, своего рода модель особой жизни, более значительной, чем просто бытие...»¹ Поэтому в эстетике начала XIX в. идеальной средой становятся не городские усадебно-дворцовые комплексы с регулярными садами, а дворянские «гнезда» в деревенской глуши. Противопоставляя живописные уголки Подмосковья, наподобие нарышкинской усадьбы Кунцево, таким загородным домам местной знати в стиле классицизма, как Кусково, историк искусства И.П. Забелин замечал, что в них «сама местность доставляет столько красоты, что для ее украшения вовсе не требуется особенных ухищрений искусства»². Русская усадебная архитектура создавала наилучшие условия для сближения человека с природой, будь то тип старинной огороженной южнорусской усадьбы с садом (обитель «необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик, за плетень сада, наполненного яблонями и сливами, за деревенские

¹ Кантор А.М., Зернов Б.А. Искусство XVIII века // Искусство XVIII века. М.: Искусство, 1977. С. 24. (Серия «Малая история искусств»).

² Забелин И.Е. Кунцево и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: Тип. Грачева и К°, 1873. С. 58.

избы, его окружающие»³) или поместья в палладианском стиле, стоящего на возвышенности, раскрытого реке, полям и лесам, сливающимся с горизонтом, подобного тому, что описано в романе «Евгений Онегин»:

Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад⁴.

Теме усадебного уединения посвятили изумительные строки своей лирики и лирической прозы А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский и И.А. Гончаров, И.С. Тургенев и Л.Н. Толстой. Звучит она и в творчестве русского писателя Серебряного века И.А. Бунина, вобравшем в себя все традиционные для данной темы мотивы, которые развивали его предшественники⁵, и открывшего новые ее грани.

Творчество Бунина обуславливает эстетическую ценность южнорусской усадебной архитектуры естественным для глаза соседством человеческого жилья с миром дикой некультуренной природы: «<...> за домом некоторое подобие сада, за садом не то озеро, не то болото, заросшее ку-

³ Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. С. 7.

⁴ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 4. С. 31.

⁵ Подробнее об этом см.: Богданова О.А. Место Достоевского в «усадебном тексте» русской литературы конца XIX — начала XX века. Социокультурный аспект // Универсалии русской литературы. 2. Сб. статей / отв. ред. А.А. Фаустов. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. С. 296–305; Глазкова М.В. «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008; Жаплова Т.М. Усадебная поэзия в русской литературе XIX века. Оренбург: ОГПУ, 2004; Кошелев В.А. Усадебная поэзия (К.Н. Батюшков, П.А. Межаков, А.А. Фет) // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 9 (25). М.: Жираф, 2003. С. 391–402; Пырков И.В. Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.П. Чехов): Дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2018; Топоров В.Н. «Павловско-аполлоновский» текст русской поэзии — от Державина и Нелединского-Мелецкого до Ахматовой, Мандельштама и Кушнера // Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 229–234; и др.

гой и кувшинками, и неизбежная плоскодонка возле топкого берега» (т. 6, с. 36)⁶. Благодаря традиционному ландшафтному дизайну дворянской усадьбы в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» (1927–1929) ее обитатели максимально сближены с окружающей средой, в которой большую роль играют дикорастущие растения: березы, ели, лозины, а также сад или палисадник, обрамляющие господский дом. Особенностью пейзажа в романе является изображение природы через естественную границу между человеческим жильем и окружающим миром в виде балконной двери или открытых окон. Большие оконные проемы позволяли Арсеньеву, молодому герою романа, постоянно чувствовать себя даже зимой в окружении природы, что создавало ощущение единства земного и небесного: «густая верхушка столетней густой ели, которая в своем хвойном, траурном от снега облачении, царственно высилась за стеклами», в вертикальном хронотопе соединяла небо и землю, а окружающий героя великий простор без всяких преград и границ в горизонтальной перспективе порождал недоумение, «где в самом деле кончалась усадьба и начиналось беспредельное поле, с которыми сливалась она» (т. 5, с. 36). Космичность бунинских пейзажей неоднократно отмечалась исследователями его творчества⁷.

Создавая образ тишины, безмятежности и покоя, которые царят в небогатых помещичьих усадьбах, писатель реализует художественный замысел изображения преимуществ созерцательной жизни (*vita contemplativa*) для становления человеческой души на каждом ее этапе.

В детстве и отрочестве истоки созерцательного отношения к миру, показывает автор, могут быть различны. Так, в повести «Митина любовь» (1924) вынужденная потеря двигательной активности у подростка во время продолжительной болезни способствует обострению эстетического чувства благодаря восприятию красоты в процессе ежедневного наблюдения из окна усадьбы за сменой времен года. Способность постигать красоту обычных предметов пробуждает и литература. Автобиографический герой романа «Жизнь Арсеньева» признается, какое необыкновенное впечатление произвели на него в детстве «Старосветские помещики»

⁶ Бунин И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005–2007. Здесь и далее в тексте статьи ссылки на произведения И.А. Бунина даются по этому изданию в круглых скобках с указанием тома и страниц.

⁷ См.: *Арсентьева Н.Н.* Есенин и Бунин: русский национальный идеал в пейзажной лирике // *Canadian-American Slavic Studies* 32, nos.1–4, 1998, Pittsburgh, University of Pittsburgh. Pp. 17–29; *Зеленцова С.В.* Функции пейзажа в малой прозе И.А. Бунина (на материале произведений 1892–1916 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013; *Сливицкая О.В.* Космос и душа человека (о психологизме позднего Бунина) // *Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина: Межвуз. сб. научных трудов.* Воронеж: ВГУ, 1995. С. 5–34.

Н.В. Гоголя: «Какие незабвенные строки! Как дивно звучат они для меня и до сих пор, с детства войдя в меня без возврата, тоже оказавшись в числе того самого важного, из чего образовался мой, как выражался Гоголь, “жизненный сочетав”. Эти “поющие двери”, этот “прекрасный” летний дождь, который “роскошно” шумит по саду, эти дикие коты, обитавшие за садом в лесу, где “старые древесные стволы были закрыты разросшимся орешником и походили на мохнатые лапы голубей”» (т. 5, с. 34).

Особое значение в творчестве Бунина имеет центральная для античных перипатетиков и эпикурейцев философская категория счастья (εὐδαιμονία), которая постепенно раскрывается во взаимодействии его героев с миром усадьбы и находит свое выражение в переживании радости и полноты бытия человеком, выросшим «среди всего того счастливого, бесцельного, привольного и спокойного» (т. 6, с. 122), что окружало его с детства в родовом гнезде. В пору юности человек особенно остро воспринимает мир природы. Ему нравится, встречая рассвет, бродить по дому и саду, испытывая «радость одиноких дум» (т. 1, с. 30). Художественную основу многих поэтических произведений и лирической прозы Бунина составляет описание чувств, рожденных уединением в усадьбе. К ним относятся и неосознанные любовные мечтания, когда в момент пробуждения эротических эмоций молодые герои Бунина интуитивно тянутся к природе как к молчаливому собеседнику, ощущая ее таинственную причастность к своей судьбе. В старости уединение также благотворно влияет на душу человека. Герой бунинского рассказа «В поле» (1895) помещик Яков Баксаков, старый степняк, семья которого перебралась в город, предпочитает жизни в кругу семьи одиночество на хуторе, где зимой царит почти полное безлюдье.

Важнейшим при неоднократных посещениях родных мест — дворянской усадьбы в лесостепной черноземной зоне, где прошло детство Бунина, — и в воспоминаниях о ней было особое ощущение красоты природы, которое он переживал во время каждого приезда из города в свое уже оскудевшее, глухое степное поместье с большим садом в окружении великолепной природы:

От праздности и лжи, от суетных забав
Я одинок бежал в поля мои родные,
Я странником вступил под сень моих дубрав,
Под их навесы вековые,
И, зноем истомлен, я на пути стою
И пью лесных ветров живительную влагу...
О, возврати, мой край, мне молодость мою,
И юных блеск очей, и юную отвагу!

Ты видишь — я красоты твоей не позабыл
И, сердцем чист, твой мир благословляю...
Обетованному отеческому краю
Я приношу остаток гордых сил
(т. 1, с. 35).

Как можно убедиться из вышеприведенных строк стихотворения «Подражание Пушкину» (1890), поэта тянет в родное имение именно стремление снова пережить момент созерцания красоты природы как идеального бытия, которое он обретает, вернувшись в атмосферу мирной жизни усадьбы, несмотря на царящее в ней запустение. По мысли авторитетного в Серебряном веке религиозного философа В.С. Соловьева, «в красоте даже при самых простых и первичных ее проявлениях мы встречаемся с чем-то *безусловно-ценным*, что существует не ради другого, а ради самого себя, что самым существованием своим радуется и удовлетворяет нашу душу, которая на красоте успокаивается и освобождается от жизненных стремлений и трудов»⁸. Однако мысль о красоте в природе и благодатном значении уединения на ее лоне, заложенная в творчестве Бунина, восходит еще к Античности.

Тема Beatus Ille: Гораций и Луис де Леон

Действительно, те, кто стал практиковать отход от общества и мира, были философами, которые со своими учениками вели уединенный образ жизни. Это были прежде всего эпикурейцы, оторванные от жизни большого мира потому, что проживали в загородном садово-огородном хозяйстве, отчего их школа со временем получила название «ке», что зачастую неверно переводилось с греческого как *сад*, и это закрепило за эпикурейцами название *философов сада* (хотя, согласитесь, нельзя безвыездно жить в саду).

Своим появлением идея отречения от мира в Древней Греции обязана не личным стремлением философов к уединению, а социальным нуждам. Однако позже, в эпоху эллинизма, она приобретает духовное измерение у неоплатоников и всех тех, кто избрал путь самосовершенствования, ведущего в конечном счете к мистическому слиянию с божеством. Т. е. приобретает религиозное значение, а точнее — религиозно-мистическое. В дальнейшем та же идея ухода от общества становится достоянием литературы, прежде всего поэзии. Происходит это, однако, не в Греции, где

⁸ Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 354.

социальные идеалы, напротив, требовали всеобщего объединения для построения нового общества справедливости и мира. Поэтому первый опыт облечения философской идеи уединения в стихотворную форму мы находим не у греческого, а у великого латинского поэта Горация. Правда, его стремление к уходу от общественной жизни вызвано не духовными, а чисто житейскими причинами. То, что побудило Горация вместе с женой бежать от людей, укрывшись в своем имении, было спасением от ненавистной ему невежественной черни, презрение к которой он неоднократно высказывал в своем творчестве: “*odi profanum vulgus et arceo*” (Нор. Од. 3.1) («Я ненавижу чернь или толпу, собравшуюся у храмов, и удаляюсь от нее»)⁹. Непосредственно же теме уединения Гораций посвятил одно из самых прекрасных своих стихотворений — «Второй эпод» (30 г. до н. э.).

Стихотворение начинается со слов “*Beatus ille*”, которые впоследствии станут обозначением отношения творческой индивидуальности к обществу и миру. Приведем первые строки этой поэмы в переводе на русский язык А.П. Семенова-Тян-Шанского:

1. Блажен лишь тот, кто суеты не ведая,
Как первобытный род людской
На землях предков пашет на волах своих,
чуждаясь всякой алчности,
2. Не пробуждаясь от сигналов воинских,
Не опасаясь бурь морских,
Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих.
3. В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали в логу заброшенном,
4. Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных¹⁰.

Тему *Beatus ille* вслед за Горацием подхватили многие авторы поздней Античности, а впоследствии — эпохи Возрождения. В период Золотого века испанской литературы гораціанские строки почти дословно по-

⁹ Пер. с лат. наш. — Х.Л. К., Н. А.

¹⁰ *Квинт Гораций Флакк. Избранная лирика / пер. с лат. и коммент. А.П. Семенова-Тян-Шанского. М.; Л.: Academia, 1936. С. 137.*

вторяет Лопе де Вега в конце второго акта пьесы «Злодей в своем углу» («El villano, en su rincón», 1617): «¡Cuán bienaventurado / aquel puede llamarse justamente, / sin tener cuidado / de la malicia y lengua de la gente, / a la virtud contraria / la suya pasa en vida solitaria!»¹¹ («Блажен, / кого молва по праву таковым считает, / кто не таит обиды / на злые языки, но в противоположность им / лелет добродетель, в уединенье время проводя!»¹²) Вспомним также маркиза де Сантьяну, который пишет о блаженстве тех, «кто хлеб свой добывает, вонзая мотыгу в землю»¹³, или Гарсиласо де ла Вега, для которого лишь тот блажен, кто «жизнь проводит в сладости уединенья»¹⁴, или Луиса де Гонгору, который хочет воспеть простую жизнь, оставляя другим «честь воздавать монархам и власть имущим»¹⁵.

¹¹ Lope de Vega. El villano, en su rincón. Comedia famosa. [Nota preliminar: Edición a cargo de Guillermo Serés. Grupo de investigación PROLOPE. Proyecto TC/12.], Vca. Virtual M. de Cervantes, Acto II, vs. 1881–1887.

¹² Здесь и далее в тексте статьи, кроме особо оговоренных случаев, пер. с исп. мой. — Н. А.

¹³ Строка из «Комедийки о Понце» (1436) входит в состав строфы оригинала («Benditos aquellos que con la azada sustentan sus vidas y viven contentos, y de quando en quando conocen morada, y sufren pacientes las lluvias y vientos»), приведенного по изданию: *Marqués de Santillana. Poesías Completas I, Serranillas, Cantares y decires. Sonetos fechos al itálico modo*, edición de Manuel Durán, Clásicos Castalia, Madrid, 1975, p. 248. («Блаженны те, кто хлеб свой добывает, вонзая мотыгу в землю, кто счастлив, даже не всегда имея кров, страдая терпеливо от ветра и дождя»).

¹⁴ См. оригинал фрагмента «Эклоги II» (1533–1534): «¡Cuán bienaventurado / aquel puede llamarse / que con la dulce soledad se abraza, / y vive descuidado / y lejos de empacharse / en lo que al alma impide y embaraza!» Текст приведен по изданию: *Garcilaso de la Vega. Obras*. Madrid, Librería de Sancha, 1821, p. 51. («Того мы назовем воистину блаженным, / кто жизнь проводит в сладости уединенья, / живя привольно без всего того, / что душит и отягощает душу»).

¹⁵ Строка из поэмы «Ande yo caliente y ríase la gente» (1581): «Я сам себе хозяин, что мне за дело до того, что на смех меня поднимут люди», — где Гонгора в ином, ироническом плане развивает тему *Beatus ille*: «Traten otros del gobierno / del mundo y sus monarquías / mientras gobiernan mis días / mantequillas y pan tierno; / y las mañanas de invierno / naranjada y agua ardiente, / y ríase la gente. / Coma en dorada vajilla / el Príncipe mil cuidados, / como píldoras dorados; / que yo en mi pobre mesilla / quiero más que una morcilla / que en el asador reviente, y ríase la gente» (Góngora Luis de, *Letrillas*, ed. de Robert James, Clásicos Castalia. Madrid, 1981. Pp. 115–116). («Пусть другие честь воздают / монархам и власть имущим, / а мною правит с маслом хлеб, заимки, / сок апельсина и крепкий пунш, и что мне до того, что на смех меня поднимут люди. / Пусть потчуют иных на золотой посуде / и в золоте пилюли подают, ухаживают как за Князем / — мне этого не надо. / Колбаска кровавая, что лопается на жаровне, — мое родное блюдо, / и что мне до того, что на смех меня поднимут люди»).

Но вернемся к Фрай Луису де Леону, одному из величайших классиков испанского Золотого века в период позднего Возрождения. Он родился в 1527 и умер в 1591 г. Крещеный еврей, в 14 лет он вступил в орден августинцев в городе Саламанка в центральной Кастилии, знаменитом старейшим в Европе университетом (основан в 1218 г.), который стал постоянным местом пребывания и работы поэта в должности профессора философии и нравственного богословия. Там протекала его жизнь в мирных трудах и в общении с другими писателями и людьми искусства.

Особенно близко Луис де Леон сошелся с коллегой по университету, слепым теоретиком музыки Салинасом, которому он посвятил невероятно проникновенные строки «Оды Салинасу» (1577):

El aire se serena
y viste de hermosura y luz no usada,
Salinas, cuando suena la música estremada
por vuestra sabia mano gobernada

(Сияет мир до края / И красотой полнится иною, / Салинас, воскресая
вслед за твоей струною, / Звнящей музыкою неземною (Пер. с исп.
Б.В. Дубина)¹⁶.

Важно подчеркнуть, что именно благодаря своему происхождению Луис де Леон изучал не столько догматику, сколько нравственное богословие, и в своих мыслях о мире и человеке опирался не столько на Новый Завет, сколь на Ветхий. Самым важным его произведением был перевод на испанский язык «Песни Песней» Соломона, запрещенный инквизицией, за что он был осужден на четыре долгих года тюремного заключения, хотя в конечном счете освобожден.

С философской точки зрения Луис де Леон, несомненно, тяготел к неоплатонизму и эзотерической традиции. Именно благодаря этому его, пожалуй, не превзойденное никем в мировой литературе обращение к теме *Beatus ille* (или «уходу от мира») имело религиозно-мистический характер. Кроме того, склонность к мистицизму проявилась в его близости к испанским поэтам-мистикам из Авилы: своему ученику Сан Хуану де ла Крус и Терезе Авильской, для которой он написал пролог к «Книге моей жизни» (1560).

¹⁶ Оригинал и перевод приведены по двуязычному изданию: Антология испанской поэзии Золотого века / авт.-сост. А.И. Лаврентьев. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. С. 169. Здесь и далее в тексте статьи ссылки на произведения Луиса де Леона в русском переводе Б.В. Дубина приводятся по данному изданию в круглых скобках с указанием страницы.

Рассмотрим более подробно стихотворение Луиса де Леона «La vida retirada» / «Жизнь в уединении». В первых трех строфах, выполняющих роль своеобразного пролога, поэт восхваляет жизнь вдаль от шума и мирской суеты, ссылаясь на опыт человека, избравшего путь уединения: он не завидует богатству и роскоши, не ищет славы и лести:

Qué descansada vida
la del que huye del mundanal ruido
y sigue la escondida senda por donde han ido
los pocos sabios que en el mundo han sido¹⁷.

(С отрадою какою / Мудрец простится с беспокойным светом, / Чтоб тайною тропею / За избранными следом / Туда уйти, где здешний шум неизвестом (163).

И сразу вслед за этим, с 4-й строфы поэт переходит к прямой речи, чтобы поделиться личным впечатлением от столь долгожданной жизни: “Qué me importa la fama” si ésta me desalienta?” («Вниманье краснбая, / Любя покой, недорого ценю я: / Что пользы, уповая / На похвалу мирскую, / Радеть о брэнном, о живом тоскуя?» (163). И тут же вносит ясность: он ищет одиночества не ради одиночества, не оттого, что жизнь среди людей ему наскучила, а из-за страха перед ними. Поэтому он обращается к природе, к тем местам, которые могли бы стать его прибежищем, к той тихой гавани, где он мог бы найти покой после поединка с бурным морем, закончившегося кораблекрушением. Так представляется Луису его судьба. Нет сомнений, что эти стихи написаны под впечатлением долгой борьбы с идейными противниками из религиозной и академической среды и — особенно — тяжелых лет тюрьмы. Поэт ищет одиночества, покоя, подобия беспробудного сна вдаль от мира и людей с их бесконечным исканием славы и богатства. Он хочет просыпаться, слыша щебетание птиц, наслаждаясь всеми благами, данными ему небом, в полном одиночестве, а главное — освободиться от материальных забот и страстей, от ненависти, любви, ревности, опасений, ожиданий и надежд.

Начиная с 9-й строфы Луис де Леон видит себя в идеальном настоящем — цветущем весеннем саду, посаженном им когда-то на холме. Он передает мощь горного ручья, льющегося через сад, питая влагой землю, а также стихию воздуха, живописуя свежий ветерок, который наполняет воздух цветочным ароматом и шелестом листвы и заставляет забыть

¹⁷ Оригинал оды «La vida retirada» («Жизнь в уединении») цит. по: *Fray Luis de León. Obras completas castellanas. Prologo y notas del padre Felix Garcia. Vol. 1. Madrid, Bca. de autores cristianos, MCMLVII. Pp. 742–745.*

о мирской суете, о звоне золота, почестях и власти. От картины райского блаженства он снова переходит к изображению контраста между мирной уединенной жизнью в своей обители и бурной общественной действительностью с морскими сражениями, духом торгашества и амбиций. В финале поэт выражает глубокое презрение к мирской суете и стремление обходиться малым, «а мне того довольно, / Что мирно пью из скромного стакана» (167). Кульминацией становится описание нынешнего благодатного состояния его души в сравнении с опасным миром человеческих амбиций, который отвергается поэтом:

Пускай другие многострадальные,
Пленяюсь неверной долей,
Терзаются тревогой
О славе и престоле, —
Я не ищу печали и неволи
И, лавром вечно юным
Увенчанный в покое потаенном,
Веду рукой по струнам
И благодарным звоном
Встречаю ночь, сходящую по склонам.
Все лезут вон из кожи (167).

Обращает на себя внимание философская, может быть даже непроизвольно углубленная, основа стихотворения, связанная с категорией «созерцания». Атмосфера уединения формирует созерцательную форму жизни (*bíos theōrētikós*), которую Аристотель, почитаемый последователями св. Августина, в том числе Луисом де Леоном, считал высшей формой бытия по сравнению с так называемой «активной жизнью», ориентированной на внешнюю деятельность (*bíos Praktikós*). Поэтому само созерцание природы приобретает философский смысл. Когда поэт Луис де Леон изображает идиллию уединения, философ Луис де Леон обращается к первоэлементам, которые составляют основу бытия: земле, воде и воздуху («О кручи и криницы! (163)). Влияя на органы человеческих чувств: зрение, слух, обоняние, — они вырабатывают восприимчивость к красоте окружающего мира, приводящую человека в состояние блаженства (*εὐδαιμονία*). Ему приятно слышать шум ветра в кронах деревьев и звук хрустально чистой воды, сбегаящей с горы в посаженный им сад. Огонь, казалось бы, отсутствует, но... чем еще может быть огонь, как не солнцем и светом, источником этой уединенной и счастливой жизни?

Несмотря на оригинальность и новаторство концепции, созданной в творческом сознании Луиса де Леона, она одновременно может быть рассмотрена в общем эстетико-философском контексте Ренессанса как

художественная тенденция, связанная с идеей Мировой Души (Anima Mundi), наиболее полно выраженной в магико-герметической традиции, представленной такими философами эпохи Возрождения, как М. Фичино, Дж. Бруно, К. Агриппа. Очевидно, что характер созерцательности у испанского поэта иной, чем аскетическая самоуглубленность монаха, избегающего всего земного, пребывающего в затворе с целью обретения чисто духовного видения, чуждого всему материальному. У Луиса же Леона духовные атрибуты, заключенные в природных стихиях, оказывают положительное влияние на человека. Тем самым поэт возрождает античное ощущение высшего начала в природе, благотворно воздействующего на душу. Современник Коперника, Луис де Леон, безусловно, знал, что солнце является не божеством, а небесным телом. Но, несмотря на материальность, дневное светило имело для него и духовное значение благодаря способности не только давать жизнь, но и преображать все сущее в свете красоты высшего, божественного порядка.

«Бог есть Свет»:

литургия света в творчестве Луиса де Леона и Ивана Бунина

Способность небесных светил преображать земную реальность, подмеченная Луисом де Леоном, порождает у Бунина технику словесного импрессионизма, мастерски передающую эффекты солнечного света как источника красоты в природе. Так, лучи солнца преображают предметный мир усадебного интерьера:

Солнце скрылось за притихший сад, покинуло пустой зал, пустую гостиную, где оно радостно блистало весь день: теперь только последний луч одиноко краснеет в углу на паркете, меж высоких ножек какого-то старинного столика, — и, боже, как мучительна его безмолвная и печальная прелесть! (т. 3, с. 268).

Герметическое учение об одухотворенных силах природы и божественной природе света¹⁸ у де Леона и Бунина сходно выливается в мотив *созерцания ее красоты*, ведущей к состоянию блаженства:

¹⁸ О магии солнечного света и практике фотагогии, или обожения, путем слияния с энергией солнца в греко-египетском герметизме см.: *Calvo Martínez J.L. Morfología de las Prácticas mánticas de la Luz. Fotagogia y Licnomancia en los PGM // Problemi di Storia religiosa del Mondo tardo-antico. Tra Mantica e Magia*, ed. Mariangela Monaca. Cosenza, 2009. Pp. 45–79.

<...> все уже цвело, зеленело, и я вдруг ощутил, понял эту *счастливую красоту* (Здесь и далее в цитатах курсив мой — Н. А.), эту пышность и яркость зелени, полноводность прудов, озорство соловьев и лягушек уже как юноша, с чувственной полнотой и силой (т. 5, с. 83).

Русский порубежный поэт также наследует и ренессансное представление о всеобщей одушевленности и *сакральности* природных стихий, об их способности благотворно влиять на психоэмоциональный строй человеческой души. Так, например, молодому герою «Жизни Арсеньева» казалось, что его отцу было тепло спать от лившегося на него лунного света, золотом сиявшего на стеклах окон:

<...> высшее счастье спать вот так и всю ночь чувствовать сквозь сон этот свет, мир и красоту деревенской ночи, родных окрестных полей, родной усадьбы (т. 5, с. 23).

В мистический экстаз повергает бунинских героев и звездное небо (в рассказе «Антоновские яблоки», 1900):

А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к дому... Как холодно, росисто и как хорошо жить на свете! (т. 1, с. 410)

В «усадебном» мышлении обоих поэтов, испанского и русского, возникает сходная символика «рассвета», позволяющая предположить присутствие в их творческом сознании *мистерии солнца* как инициастического религиозного культа, сложившегося вокруг почитания благих сил природы, выступающих в функции *эроса* как посредника между Богом и человеком (в неоплатонизме).

Эстетическая впечатлительность, позволяющая ощутить красоту природы у Луиса де Леона, приобретает мистериальный смысл. В трактате «Совершенная жена» (*La perfecta casada*, 1583) он разрабатывает практику ежедневного приобщения к благодати солнечного света, советуя всем, но более всего жещинам, встречать зарю как литургию света, наслаждаясь его рождением и возникающими при этом положительными эмоциями. Свежесть воздуха, по словам мистика, оказывая оздоровительное влияние на душу, услаждает и тело, разгоряченное сном, своей прохладой, бодрит организм и смывает с души все треволения прошедшего дня; а самое главное — самим переходом от ночной тьмы к свету приводит ее в радостное возбуждение, мистиче-

ский экстаз, настраивая на возвышенный лад перед погружением в заботы дня.

Нечто подобное испытывает молодая героиня рассказа Бунина «Заря всю ночь» (1902–1926). Встречая рассвет в весеннем саду возле дома в состоянии, близком к экстазу, Наталья (Тата), подобно пушкинской Татьяне¹⁹, ощущает близкое и неуловимое веяние счастья, которое чувствовалось вокруг нее, — «то страшное и большое, что в тот или иной момент встречает всех... на пороге жизни» (т. 2, с. 209). В полусвете зари она идет по усадебной аллее под трели соловья вглубь сада, в беседку среди тополей и осин, где созерцает сокровенный переход ночи в рассвет. Здесь она соприкасается с идеальной ипостасью бытия, которая есть любовь (эрос), чье присутствие она ощущает в окружающей ее природе:

Я кого-то любила, и любовь моя была во всем: в холоде и в аромате утра, в свежести зеленого сада, в этой утренней звезде (т. 2, с. 209).

Уединение как гнозис

Тема усадебного уединения у Луиса де Леона и Ивана Бунина перерастает из чистого наслаждения красотой природы в мистицизм как особый род религиозно-философской познавательной деятельности путем молчаливого созерцания.

Луис де Леон не был пантеистом, Бог у него стоит над природой, но именно она позволяет поэту осязаемо ощутить Его присутствие. Подобным образом и Бунин ощущает присутствие в мире природы «той сокровенной души, которая всегда чудится человеческой душе в мире, окружающем ее» (т. 5, с. 9), и которая исполнена каким-то особым сокровенным смыслом:

Глубина неба, даль полей говорили мне о чем-то ином, как бы существующем помимо их, вызывали мечту и тоску о чем-то мне недостающем, трогали непонятной любовью и нежностью неизвестно к кому и к чему (т. 5, с. 9).

Со временем этот смысл раскрывается русскому писателю в осознании в природе высшего надмирного начала, «Бога, над ним (миром. —

¹⁹ Ср.: «Она любила на балконе / Предупреждать зари восход, / Когда на бледном небосклоне / Звезд исчезает хоровод, / И тихо край земли светлеет, / И, вестник утра, ветер веет, / И всходит постепенно день...» (Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. С. 42).

Х.Л. К., Н. А.) царящего и его создавшего с такой полнотой и силой вещественности» (т. 5, с. 17). Это мистическое ощущение богоприсутствия возникает именно при уединенном безмолвном созерцании небосвода в предвечерний час:

Солнце уже за домом, за садом, пустой, широкий двор в тени, а я (совсем, совсем один в мире) лежу на его зелёной холодеющей траве, глядя в бездонное синее небо, как в чьи-то дивные и родные глаза, в отчее лоно *свое* (т. 5, с. 8).

В стихотворении «За все Тебя, Господь, благодарю» (1901) поэт XX в. находит высшее счастье в уединенном общении с Богом как творцом земной красоты, источником благодати:

И счастлив я печальной судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что всем я чужд и говорю — с Тобой
(т. 1, с. 89).

Таким образом, с Луисом де Леоном Бунина роднит мотив ухода от мирской суеты в усадебном уединении, который освобождает сердце человека от бремени житейских забот и является главным условием богопознания и богообщения в процессе эстетического и мистико-философского переживания красоты природы. Его непосредственным истоком, по мысли Бунина, является обновленное религиозное сознание эпохи Возрождения, отошедшее от средневековой аскезы; оно присутствует, в частности, в мировоззрении Дж. Бруно, философа вышеупомянутой герметической традиции²⁰, которому русский поэт посвятил одноименное стихотворение («Джордано Бруно», 1906). В нем есть строки, указывающие на знакомство русского поэта с неортодоксальным учением итальянского ученого-монаха, ставшего для Бунина, как и для Луиса де Леона, мировоззренческой основой творчества:

Мир — бездна бездн. И каждый атом в нем
Проникнут богом — жизнью, красотой.
Живя и умирая, мы живем
Единою, всемирною Душою (т. 1, с. 193).

²⁰ См.: *Yates F. Bruno and the Hermetic Tradition*, Routledge and Kegan Paul. London, 1964.

Еще прекрасен ты, заглохший Элизей

В годы эмиграции Бунин снова возвращается к теме *Beatus ille* в рассказе «Несрочная весна» (1923). Его герой, чудом оставшийся в живых после варварского уничтожения помещичьих усадеб, расстрелов без суда и следствия людей из дворянства, вспоминает впечатления от случайного посещения заброшенного подмосковного поместья после кошмара революционного насилия и диктатуры пролетариата («самой страшной в мире каторги!» — т. 4, с. 216); именно там, в обители «святого чистого безмолвия», полевой тишины, лесной глуши, запаха берез, цветов, вечерней свежести (см.: т. 4, с. 216), он остро испытал чувство отчужденности от «нового» советского мира. Идя по проселочной дороге в имение, которое сторожил теперь представитель революционной власти, созерцая закат за лесом, «ощущая горькие и свежие ароматы, сладкий холодок зари» (т. 4, с. 216), он все больше проникался любовью ко всему тому, что когда-то было для него действительной жизнью. По мере того как он бродил по усадьбе, стоял у маленькой церкви-усыпальницы героев екатерининской эпохи, уже тронутый запустением, в нем нарастало чувство отчуждения от новой России и благоговение перед прежним величественным миром такой глубины и силы, что на его глаза навертывались слезы счастья. И вместе с этим чувством, как наваждение, росло сознание того, что этот мир, безвозвратно ушедший из настоящего в прошлое, не погиб, но остался навсегда запечатленным в его памяти, став «единственной и все более радостной, уже никому не доступной обителью его души. Потому и приходят на ум герою-рассказчику заключительные строки элегии Е.А. Баратынского, посвященной предчувствию того Элизея, который поэт XIX в. прозревал и который теперь для Бунина становится пространством памяти, где царит вечная весна без печали и забот. В самом чувстве *сладкой и странной тоски* по невозвратному заключена для него особая красота. Даже в отрыве от земного источника этой благодати — прекрасной сельской усадьбы, — герой «Несрочной весны», используя резервы памяти, обретает счастье и душевный покой. Изображая в этом рассказе во многом самого себя «под тяжестью утрат и горестей» (т. 4, с. 217), Бунин не столько сожалеет об ушедшем после революции 1917 г. мире русской жизни, уподобленном гибели «всего античного мира» (т. 4, с. 216), сколько обозначает новый этап своего творческого пути — воскрешение красоты и духовной ценности созерцательного уединения в «усадебной культуре» и осознание ее всемирного значения.

Список литературы

1. Антология испанской поэзии Золотого века: Учебное пособие / авт.-сост. А.И. Лаврентьев. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2011. 274 с.
2. *Арсентьева Н.Н.* Есенин и Бунин: русский национальный идеал в пейзажной лирике // *Canadian-American Slavic Studies* 32, nos.1–4, 1998, Pittsburgh, University of Pittsburgh. Pp. 17–29.
3. *Богданова О.А.* Место Достоевского в «усадебном тексте» русской литературы XIX — начала XX века. Социокультурный аспект // *Универсалии русской литературы. 2. Сб. статей / отв. ред. А.А. Фаустов.* Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. С. 296–305.
4. *Бунин И. А.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2005–2007. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 582 с.; Т. 4. 536 с.; Т. 5. 480 с.; Т. 6. 488 с.
5. *Глазкова М.В.* «Усадебный текст» в русской литературе второй половины XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.А. Фет). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 274 с.
6. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Художественная литература, 1976. Т. 2. 333 с.
7. *Забелин И.Е.* Кунцово и древний Сетунский стан: исторические воспоминания. М.: Тип. Грачева и К°, 1873. 256 с.
8. *Зеленцова С.В.* Функции пейзажа в малой прозе И.А. Бунина (на материале произведений 1892–1916 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 192 с.
9. *Жаплова Т.М.* Усадебная поэзия в русской литературе XIX века. Оренбург: ОГПУ, 2004. 232 с.
10. *Кантор А.М., Зернов Б.А.* Искусство XVIII века // *Искусство XVIII века.* М.: Искусство, 1977. С. 6–75. (Серия «Малая история искусств»).
11. *Квинт Гораций Флакк.* Избранная лирика / пер. с лат. и коммент. А.П. Семенова-Тян-Шанского. М.; Л.: Academia, 1936. 194 с.
12. *Кошелев В.А.* Усадебная поэзия (К.Н. Батюшков, П.А. Межаков, А.А. Фет) // *Русская усадьба: Сб. ОИРУ. Вып. 9 (25).* М.: Жираф, 2003. С. 391–402.
13. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1975. Т. 4. 520 с.
14. *Пырков И.В.* Ритм, пространство и время в русской усадебной литературе XIX века (И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, А.П. Чехов). Дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2018. 512 с.
15. *Сливицкая О.В.* Космос и душа человека (о психологизме позднего Бунина) // *Царственная свобода. О творчестве И.А. Бунина: Межвуз. сб. научных трудов.* Воронеж: ВГУ, 1995. С. 5–34.

16. *Соловьев В.С.* Красота в природе // *Соловьев В.С.* Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 350–388.
17. *Топоров В.Н.* «Павловско-аполлоновский» текст русской поэзии — от Державина и Нелединского-Мелецкого до Ахматовой, Мандельштама и Кушнера // *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 229–234.
18. *Calvo Martinez J.L.* Morfología de las Prácticas mánticas de la Luz. Fotagogia y Licnomancia en los PGM // *Problemi di Storia religiosa del Mondo tardo-antico. Tra Mantica e Magia*, ed. Mariangela Monaca. Cosenza, 2009. Pp. 45–79.
19. *Garcilaso de la Vega.* Obras. Madrid: Librería de Sancha, 1821. 213 p.
20. *Góngora Luis de.* Letrillas, ed. de Robert James, Clásicos Castalia. Madrid, 1981. 731 p.
21. *Fray Luis de León.* Obras completas castellanas. Prologo y notas del padre Felix Garcia. Vol. 1. Madrid, Bca. de autores cristianos, MCMLVII. 1694 p.
22. *Lope de Vega.* El villano, en su rincón. Comedia famosa. [Nota preliminar: Edición a cargo de Guillermo Serés. Grupo de investigación PROLOPE. Proyecto TC/12.], Acto II, vs. 1881–1887 // Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/>.
23. *Marqués de Santillana.* Poesías Completas I, Serranillas, Cantares y decires. Sonetos fechos al itálico modo, ed. de Manuel Durán, Clásicos Casstalia. Madrid, 1975. 305 p.
24. *Yates F.* Bruno and the Hermetic Tradition, Routledge and Kegan Paul. London, 1964. 466 p.

© 2021, Х.Л. Кальво Мартинес, Н.Н. Арсентьева